

На правах рукописи

ИГНАТЕНКО АНТОНИНА СЕРГЕЕВНА

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕЙ ФРИДРИХА НИЦШЕ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
(ФУКО, ДЕЛЁЗ, ДЕРРИДА)

Специальность: 09.00.03 – «История философии»

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата философских наук

Москва – 2008

Диссертация выполнена в секторе современной западной философии
кафедры истории философии Института Философии Российской Академии наук

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор
А.М. Руткевич

Официальные оппоненты:

доктор политических наук Федорова М.М.
кандидат философских наук Энговатова А.В.

Ведущая организация: кафедра истории философии
факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Защита состоится 27 ноября 2008 года в 15 часов в аудитории 524
на заседании диссертационного совета в Институте философии РАН (г. Москва, ул.
Волхонка, д. 14)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН
(г. Москва, ул. Волхонка, д. 14)

Автореферат разослан 23 октября 2008 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Синеокая Ю.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Представленная на защиту диссертационная работа исследует влияние мысли Фридриха Ницше на идеи французских философов постмодернистской традиции: Фуко, Делёза, Деррида.

Несмотря на повышенное внимание, уделяемое профессиональными философами и широкой читающей публикой текстам исследуемых в диссертации авторов, все еще нет единства во взглядах на постмодерн как философское явление. Все еще идут споры по поводу того, кого считать постмодернистами¹, и даже об оправданности употребления самого термина «постмодерн» или «постмодернизм» по отношению к философии.

Однако при всем своеобразии и индивидуальности мысли каждого из рассматриваемых здесь французских философов есть в их текстах нечто бесспорное, что их объединяет: все трое безоговорочно признавали влияние на свои идеи Фридриха Ницше, активно его цитировали и переосмысливали созданные им концепты в рамках собственной философии. Как у Фуко, так и у Делёза, и у Деррида присутствует *один и тот же* перечень проблем, которые они связывают с Ницше и которые они формулируют исходя из некоего общего проблемного и терминологического поля, собственно Ницше не принадлежащего. Это общее для Фуко, Делёза и Деррида проблемное и языковое поле и есть поле философии постмодерна.

В данном исследовании проводится попытка восстановить это самое проблемное и языковое поле, что, во-первых, позволит конкретизировать понятие постмодернистской философии, в данном случае – как специфического варианта ницшеанства, выявив связь философии постмодерна с мыслью Ницше. Во-вторых, на этой же – ницшеанской - основе, теперь можно будет смело объединить Фуко, Делёза и Деррида, в единую философскую традицию. И наконец, подобное исследование позволяет выявить основные черты так называемого третьего периода рецепции Ницше во Франции, то есть более-менее точно описать на данный момент последнюю из наиболее известных – постмодернистскую – версию ницшеанства.

Кроме Фуко, Делёза и Деррида мы сочли необходимым довольно подробно остановиться и на работах Жоржа Батая и Пьера Клоссовски. Являясь яркими французскими ницшеанцами периода тридцатых – сороковых годов, Батай и Клоссовски во многом предопределили взгляд на Ницше, который позже разделят и философы постмодерна. Без

¹ Так, Н.С. Автономова предпочитает рассматривать Мишеля Фуко как постструктуралиста, не причисляя его к постмодернистам.

анализа их мысли картина формирования ницшеанства постмодернистского толка была бы неполной.

Степень разработанности проблемы. Притом что отечественные и зарубежные исследователи непременно отмечают влияние Ницше на французский философский постмодерн, ни в России, ни в Европе, насколько нам известно, все еще не написано ни одного исследования по этой теме. Существуют тексты, посвященные влиянию Ницше на каждого из исследуемых французских мыслителей по отдельности.

Нам известно о публикации двух статей, относящиеся к данной теме: В. Каплун, «Фуко и Ницше», Ступени, 2000, №1 (11), с. 122-123 и В. Каплун, «М. Фуко: власть и свобода (пример современного ницшеанства)», Ступени, 2000, №1 (11), с. 124-135.

Во Франции, по нашим сведениям, издана лишь одна монография, связанная с темой данной диссертации. Это работа F. Warin, *Nietzsche et Bataille*. PUF, 1994.

Гораздо лучше эта проблема разработана в американской философии. Вот список работ, о которых нам стало известно: Koelb C. *Nietzsche as Postmodernist. Essay pro and contra*, NY, 1990; Behler E. and Taubeneck S. *Confrontations: Derrida/Heidegger/Nietzsche*. Stanford, 1991; Winchester J. *Nietzsche's aesthetic turn: Reading Nietzsche after Heidegger, Deleuze and Derrida*, NY, 1994; Smith G.B. *Nietzsche, Heidegger and the transition to postmodernity*. Chicago, London, 1996; Robinson D. *Nietzsche and postmodernism*, Totem Books, 1999; Также выходила статья на английском языке Norris, Christopher. "Deconstruction against itself: Derrida and Nietzsche", *Diocritics*, 4, 1986.

К сожалению, не все из текстов этого списка оказались нам доступны. Упомянувшийся выше Эрнст Белер (E. Behler) является автором работы на немецком языке «Derrida – Nietzsche Nietzsche – Derrida», Мюнхен, 1988. В ней, также как и в англоязычной книге, написанной в соавторстве с С. Таубенекком, сопоставляются интерпретации философии Ницше, Деррида и Хайдеггера. Нам удалось ознакомиться с этим небольшим текстом, объем которого, к сожалению, не позволил ее автору проработать заявленную тему достаточно полно. Тем не менее, идеи Эрнста Белера, изложенные в данной книге, учтены в нашем исследовании.

Работа американского исследователя Грегори Брюса Смита (Gregory Bruce Smith) «Nietzsche, Heidegger and the transition to postmodernity» также оказалась нам доступна. Ее автор, профессор политологии, не проявляет интереса к метафизической проблематике, предпочитая скорее социологические темы. Строго негативное понимание постмодерна Г.Б. Смитом, которого не разделяет автор данной диссертации, может объясняться, кроме всего прочего, неполным знакомством с работами Жюль Делёза и Мишеля Фуко. В

библиографии приведена лишь одна работа Делёза – «Ницше и философия» - и не фигурируют ни второй, ни третий тома «Истории сексуальности» Фуко, ни даже его знаменитые «Слова и вещи». В целом, круг проблем, затронутых в книге Смита, существенно отличается от того, который формируется в процессе нашего исследования.

По заявленным в данном исследовании французским философам тоже написано немало. Есть книги и статьи и на русском языке, среди которых - работы Н. Автономовой², В. Быстрова, А. Грицанова³, И. Ильина, В. Каплуна⁴, Н. Маньковской, Л. Марковой⁵, М. Можейко, В. Подороги⁶, Я. Свирского, Е. Соколова, С. Табачниковой⁷, С. Фокина⁸, и других. Тексты французских мыслителей активно переводятся на русский язык. Коснемся вкратце наиболее важных идей, сформулированных российскими исследователями по вопросам, рассмотренным и в данной диссертации.

В своей работе «Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках» и во вступительной статье к «Словам и вещам» Н. С. Автономова анализирует идеи Мишеля Фуко. Для Н. С. Автономовой, как мы поняли, принципиальной является задача укоренить Фуко в структуралистской традиции, а через нее – в рационализме. Этот шаг, имеющий важные идеологические последствия, что в 1977 году не возможно было игнорировать, оправдан и с чисто философской точки зрения: зависимость французского мыслителя от структуралистских и постструктуралистских мыслительных схем налицо. Казалось бы, наш подход к Фуко со стороны общепризнанного «иррационалиста» Ницше должен привести к неминуемому столкновению с рационалистскими взглядами на автора «Слов и вещей» Н.С. Автономовой. Тем не менее, конфликта интерпретаций не возникает. Все дело в том, что в поле философии Фуко, как и в поле философии постмодерна в целом, классическая оппозиция «рационализм – иррационализм» признается неэффективной, выводится из обращения в пользу рассуждений о новом типе рациональности. Знание принципиально пластично, оно способно разрабатывать и использовать новые приемы и техники. Рациональность не сводится к ограниченному

² Мы имеем в виду прежде всего такие известные тексты, как «Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках», перевод и вступительную статью к «Словам и вещам» Фуко, перевод и вступительную статью к «О грамматологии» Деррида.

³ Нам очень помогал на всех этапах работы «Новейший философский словарь» под редакцией А. Грицанова, Минск, 2003

⁴ Ницше и современная западная мысль. Сборник статей под редакцией В. Каплуна с его переводом статьи Фуко «Ницше, генеалогия, история» и статьей «Большая политика» Ф. Ницше и миф о Европе.

⁵ Маркова Л.А. Философия из хаоса. Москва, 2004

⁶ «Метафизика ландшафта», статья к «Складке» Ж. Делеза «Жиль Делез и линия внешнего».

⁷ Перевод, замечательные комментарии и статья к М. Фуко «Воля к истине».

⁸ Батай в России – прежде всего, без преувеличения, заслуга С. Л. Фокина: первая подробная монография об этом французском мыслителе «Философ вне себя», сборник «Танатография Эроса», перевод и послесловие ко «Внутреннему опыту» и внушительный список статей.

набору инструментов, легитимизированных и канонизированных в классическую эпоху. Поэтому и Н.С. Автономова пишет о «выявлении специфики нового рационализма»⁹.

В. А. Подорога в статье к переводу книги Делёза «Складка» «Жиль Делёз и линия внешнего» подходит вплотную к чрезвычайно важной для нас теме топологической философии у Жюль Делёза. Его работа «Метафизика ландшафта», как это следует и из названия, по-своему развивает топологическую тему. Однако, поскольку сфера философского интереса В.А. Подороги, как мы понимаем, связана в большей мере с выработкой собственной позиции, нежели с исследованием философии Делёза, Фуко, и др., историко-философский анализ присутствует в его текстах скорее в качестве вспомогательного средства. Тем не менее внимание, уделяемое В.А. Подорогой пространственной философии, которой и сам он в сильной степени принадлежит, было для нас серьезным аргументом продолжать работу в этом направлении.

Предмет работы. Предметом работы являются основные проблемы французского философского постмодерна, формирующие его понятийное поле, выводящиеся представителями постмодернистской философской традиции из философии Ф. Ницше.

Цель исследования. Реконструкция проблемного поля постмодерна, проработка его специфического языка с опорой на понятия, заимствованные из философии Ницше. И, одновременно, воссоздание целостного философского облика Ницше в его постмодернистском прочтении.

Задачи исследования.

1. Воссоздать предысторию рецепции Ницше во Франции к моменту возникновения постмодерна и так называемого «третьего Ницше» - ницшеанства Делёза, Фуко и Деррида. Выявить условия и предпосылки для постмодернистского прочтения текстов Ницше.
2. Реконструировать целостную картину философской мысли каждого из исследуемых французских авторов с целью обозначить место, которое в ней занимают идеи Ницше, и проследить их взаимосвязь с «собственными» концепциями Фуко, Делёза и Деррида. Дать детальную картину интеграции философских тем Ницше в философию каждого из основоположников постмодерна.

⁹ Автономова Н. «Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках». М., 1977, с.11

3. Выявить «ницшеанские» темы, общие для всех трех исследуемых французских мыслителей. Показать, что они в совокупности формируют единое философское проблемное поле. Выявить язык и логику, характерные для данного проблемного поля.

Методология исследования.

1. Метод историко-философской дескрипции: описание этапов рецепции ницшеанской мысли философскими и интеллектуальными кругами Франции начиная с конца XIX и до 60-х годов XX века.
2. Метод теоретической реконструкции: воссоздание целостной картины философии каждого из исследуемых авторов с точки зрения влияния на их философию идей Ницше.
3. Критико-аналитический метод: анализ функционирования ницшеанских концептов в поле философии Фуко, Делёза и Деррида; выявление теоретических результатов интеграции ницшеанских концептов в философскую систему каждого из авторов.

Научная новизна исследования. Впервые в отечественной мысли предпринята попытка объединить трех весьма влиятельных французских философов в рамках единого исследования на основе созданной ими специфической версии ницшеанства. Тем самым выстроены дополнительные основания для подхода к философскому постмодерну как к отдельной традиции философской мысли, которая включает как Делёза и Деррида, так и Фуко.

В результате предпринятой в диссертации аналитической работы выявлен специфический язык и логика так называемой топологической философии, легшей в основу терминологии и метода постмодернистской философии. Там, где раньше исследователи замечали, как правило, лишь приверженность пространственным метафорам, диссертант обнаружила и провела начальную систематизацию полноценной системы философских терминов со своей специфической логикой и типом отношений.

Подробно реконструирована мысль Ницше третьего этапа рецепции этого мыслителя во Франции, то есть, дана развернутая постмодернистская интерпретация его философии.

Тезисы, выносимые на защиту. В рамках французской постмодернистской философии сформировалась оригинальная версия ницшеанства, являющаяся неотъемлемой частью этой философской традиции (постмодерна).

- a) Для мысли всех троих наиболее видных представителей французского постмодерна (Фуко, Делёза, Деррида) характерен общий набор проблем, рассматриваемых ими в связи с интерпретацией философии Ницше.
- b) Проблемы, выявляемые и разрабатываемые французскими мыслителями в процессе интерпретации философии Ницше, являются фундаментальными и для самой постмодернистской философии; причем включая и саму проблему интерпретации, отсылающую к центральной для постмодерна проблеме смысла.
- c) Во французской постмодернистской философской традиции разработан специфический язык (включая сюда и характерные приемы мысли, логику), истоки которого принадлежат ницшеанской мысли и философскому языку Ницше: топологическая философия.
- d) Обращение к этике Ницше в процессе исследования постмодернистской мысли помогает вскрыть позитивный этический характер постмодерна, выявить заложенный в нем виталистический импульс и пафос свободы.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования.

Результаты данного исследования могут использоваться как в курсе изучения истории современной французской философской мысли, так и в ницшеведении.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяется предмет исследования, его задачи, новизна, оговаривается его структура. Кроме того, дается беглый обзор рецепции исследуемых авторов в России и за рубежом; конкретизируется употребление термина «постмодерн».

Первая глава состоит из трех параграфов и ставит своей целью отобразить тот путь, которым шла интеллектуальная Франция к постмодернистскому прочтению Ницше.

Первый параграф, «Рецепция Ницше во Франции», рассматривает наиболее яркие и заметные примеры влияния Ницше на французских интеллектуалов, их реакцию на проникновение во французскую культуру ницшеанских идей в период с конца XIX по 60-е годы XX века.

Критическая позиция Ницше по отношению к популярному Вагнеру и воинственный тон на фоне политических проблем между Францией и Германией в конце XIX века первоначально не способствуют благосклонному приятию первых переводов текстов

немецкого философа на французский язык. Но даже те, кто в этот период внимательно и доброжелательно относятся к его творчеству, отмечают прежде всего литературные достоинства, не считая его философом в силу отсутствия у Ницше внятной философской системы. Переводы того периода также выполнены в расчете прежде всего на поэтов и писателей: красоте стиля в них уделяется больше внимания, нежели точности.

В начале XX века, по мере угасания авторитета Вагнера и относительной стабилизации политической ситуации, Ницше входит во Франции в интеллектуальную моду. Тем не менее, в этот период, как и всегда, у Ницше множество противников, которые используют факт его сумасшествия как аргумент против его философии. Возникают попытки привлечь его в качестве идеолога в политических играх, причем как правыми, так и левыми движениями.

Перед Первой мировой войной к Ницше во Франции приходит настоящая слава. Но все меняется с началом военных действий. Ницше вновь начинают воспринимать как милитариста и пангерманиста. Профессиональные ницшеведы, такие как А. Альбер и К. Спьесс, пытаются защитить репутацию немецкого мыслителя.

В период между Первой и Второй мировыми войнами Ницше продолжает оказывать влияние на французскую литературу и философию. Воздействие его идей обнаруживают Сент-Экзюпери, Мальро, Сартр, Камю и другие.

С приходом к власти в Германии нацистов пропаганда активно создает из Ницше своего официального идеолога. Жорж Батай противостоит нацификации Ницше и одновременно создает свою оригинальную версию ницшеанства, которая повлияет и на Фуко, Делёза и Деррида. Клоссовски и Бланшо – также видные французские ницшеанцы того периода и единомышленники Батая.

В 1945 году во Франции создается Общество Ницшеанских Исследований, членом которого был Жак Деррида и в бюллетене которого публиковался Жиль Делёз. Общество вынашивает планы издания полного собрания сочинений Ницше, включая рукописное наследие, поскольку к этому моменту сомнительный характер «Воли к власти» очевиден уже всем. Однако эту задачу осуществляют в 1964 году Колли и Монтинари. Мишель Фуко и Жиль Делёз активно содействуют выходу нового полного собрания сочинений Ницше во Франции. В том же 1964 году в Руайомоне проводится colloquium, посвященный работам немецкого мыслителя, на котором профессиональные философы классического направления встречаются с представителями французского философского авангарда.

С этого периода Ницше наконец получает во Франции статус полноценного философа, которого изучают в учебных заведениях и которому посвящают диссертации.

Второй параграф посвящен исследованию ницшеанства Жоржа Батая. В нем дается подробный разбор работ французского мыслителя, так или иначе связанных с Ницше, и выявляются идеи, которые позже будут восприняты Фуко, Делёзом и Деррида.

В частности, освещается работа Батая по денацификации Ницше, результаты которой высоко оценят представители постмодерна. В конце тридцатых годов, когда в Германии стремятся приспособить Ницше к идеологическим нуждам нацизма, Батай в своем журнале «Ацефал» печатает несколько статей, в которых с различных позиций критикует попытки втиснуть философию Ницше в рамки фашистской пропаганды. В статье «Ницше и фашисты» он разрушает образ Ницше-провозвестника гитлеровского режима цитатами и фактами биографии самого Ницше. В «Ницшеанских хрониках» он излагает собственную теорию об обществах цезарийского и дионисийского типа. Для первых характерна сильная централизованная власть вождя, фашистская Германия как раз и относится к цезарийским обществам. Дионисийское общество ацефально, безголово, объединено трагедией, жертвоприношением. И философия Ницше, безусловно, созвучна именно второму типу, ведь и сам он завершил свою жизнь трагически.

Еще одним важнейшим заделом, честь которого целиком принадлежит Батаю, является философская теоретизация факта безумия Ницше, превращение его в философскую проблему. Если до сих пор, в Европе вообще и во Франции в частности, безумие Ницше было фактом, безусловно компрометирующим его как философа, то Батай увидел в нем подтверждение величия Ницше, его бесценный дар человечеству, жест жертвоприношения себя, но также и последний из доступных человеку актов познания. Следует отметить и связанный с этими идеями прорыв в интерпретации вечного возвращения, который удалось осуществить Жоржу Батаю.

Также у Батая можно встретить зачатки топологической философии, проявляющейся в его понятии трансгрессии, в дуальности «вершина – склон» и т.д.

Кроме проекта «Ацефал» рассматриваются работы: «О Ницше. Воля к удаче», «Слезы Эроса», «Внутренний опыт».

В третьем параграфе, «Фридрих Ницше и Пьер Клоссовски», проводится анализ работы Клоссовски «Ницше и порочный круг». Прежде всего, для Клоссовски, как и для Батая, чрезвычайно важна проблема безумия Ницше, вокруг которой он и организует свой текст. Клоссовски полагает, что Ницше начал сходить с ума задолго до срыва в Турине в 1889-м году, еще в семидесятые годы. Одновременно он предлагает для его последних писем, рассылаемых в начале 1889 года, вполне логичную интерпретацию, так что из

свидетельств сумасшествия они превращаются в его симуляцию. Грань между нормой и патологией размывается.

По ходу исследования разрабатываются и другие важнейшие темы, позднее воспринятые постмодерном: перспективизм, семиология, интерпретация, распыленный субъект, вечное возвращение. Все эти темы взаимосвязаны и формируют концепт «импульсной семиотики», который Клоссовски выстраивает, реконструируя процесс сумасшествия Ницше, и в котором философия немецкого мыслителя становится частью его ухода в безумие.

Вторая глава включает три параграфа и последовательно реконструирует философию Фуко, Делёза и Деррида, отталкиваясь от присутствующих в системах мысли каждого из авторов ницшеанских понятий. **Первый параграф, «Фридрих Ницше и Мишель Фуко»**, посвящен разбору идей Ницше, обнаруживаемых в философии Мишеля Фуко на всем протяжении его творчества. Хотя Фуко и не посвятил Ницше ни одной крупной работы, он всегда признавал влияние Ницше на собственную мысль. Главенствующая роль Фуко в проекте издания полного собрания сочинений немецкого мыслителя под редакцией Колли и Монтинари сделала его главным французским ницшеанцем того времени, наряду с Жилем Делёзом. Другим заметным философским событием, организованным Фуко, стал в 1964-м году коллоквиум в Руайомоне, посвященный Ницше и продемонстрировавший со всей очевидностью, что во Французской философии начался новый подъем интереса к его текстам, теперь уже не только среди литераторов, но и среди профессиональных философов. Важно, что этот новый всплеск интереса совпал с возникновением и нового авангардного стиля во французской философии, который позже получит имя постмодерна или постмодернизма.

В тот же период, в 1966 году, выходит книга Фуко, принесшая ему всемирную славу и позволившая ему встать в один ряд с самыми значительными мыслителями XX века: «Слова и вещи». Влияние Ницше в этой работе налицо. Прежде всего, как об этом свидетельствует и само название, данную работу организует знаменитая проблема означаемого и означающего, доставшаяся Фуко в наследство от структурализма. Сама эта проблема, как и структурализм применительно к философии, возникают отнюдь не без участия Ницше. Именно Ницше, филолог, переквалифицировавшийся в философа, впервые применил к философии филологические приемы, открыв специфическое междисциплинарное пространство, в котором потом обосновался, в том числе, и философский структурализм.

В своей книге Фуко описывает постепенное «исчезновение» вещей. То есть, он на богатом историческом материале показывает, как в Возрождение слова еще воспринимаются чем-то вроде вещи особого рода, но как потом, благодаря теории репрезентации, формируется бескрайний мир означаемого, понятия, и как этот мир постепенно поглощает вещи: означаемое вырождается в означающее означающего означающего и т.д. Именно Ницше в свой поздний период, в 80-е годы XIX столетия уделяет пристальное внимание проблеме знака, мира как интерпретации, симптоматологии как новой науке о знаках, за которыми уже не стоят никакие вещи, никакие факты.

В связи с новым, крайне зыбким статусом вещи, означаемого, Фуко вынужден критически взглянуть на науку, на современное знание: что может изучать знание в отсутствие «на той стороне» каких-либо реальных объектов, в условиях упразднения самой этой «той стороны»? Он вынужден, уже не в первый раз, предположить, что наука не столько изучает свой объект, сколько формирует его, создает. Но если «с той стороны» слов нет вещей, которые корректировали бы наше знание о них, то каковы же тогда критерии, в соответствии с которыми наука создает объекты своего «познания», почему эти объекты таковы, а не другие? Тревожный ответ Фуко этого периода хорошо известен: наука создает свои объекты так, чтобы безличной власти было проще их контролировать. Власть и знание образуют, по Фуко, единый комплекс «власть-знание», воля к знанию, которой так гордится современная культура, есть не что иное, как знаменитая ницшеанская воля к власти. И эта мысль тоже встречается уже у Ницше, например, когда он в работе «По ту сторону добра и зла» объясняет те или иные варианты философских систем желанием их адептов подчинить себе реальность. Фуко распространяет эту ситуацию с философии на всю науку, с той только разницей, что его воля к власти безлична, не относится ни к конкретным философам, ни к ученым. И, прежде всего, эта ситуация свойственна психиатрии. О чем он пишет еще в 1961 году, в своей диссертации «История безумия в классическую эпоху». К этой теме он вернется в семидесятые годы, в курсе лекций «Ненормальные».

Но не только психиатрия – все гуманитарное знание не столько изучает, сколько фабрикует свой объект – человека. Человек – продукт власти-знания, объект контроля и принуждения, о чем Фуко подробно пишет также в работе «Надзирать и наказывать». «Слова и вещи» же заканчиваются знаменитыми строками о человеке, который когда-нибудь исчезнет подобно лицу на прибрежном песке. И эта тема созвучна ницшеанской теме последнего человека, необходимости превзойти человека в сверхчеловеке.

«Слова и вещи», как мы видим, - своего рода манифест постмодерна, в этой книге Фуко собрал все основные проблемы новой философии. Не прошел он в ней и мимо топологии, которой столько внимания позже уделит Делёз.

Рассуждая о знании классической эпохи, Фуко отмечает его приверженность таблицам всякого рода. Слово, размещенное в определенной строке и столбце, в разграниченном и упорядоченном пространстве таблицы, замещает вещь, локализованную в гораздо менее упорядоченном реальном физическом пространстве. Заканчивается формирование пространства репрезентации, что означает, что человек не только научился в познавательных целях выстраивать в своем сознании некое виртуальное пространство, но и заметил за собой эту способность и теперь прибегает к ней сознательно. Виртуальным упорядоченным размеченным пространствам таблиц знания соответствуют такие же размеченные дисциплинарные пространства власти в тюрьмах, казармах, больницах. В обоих случаях принципиальна возможность наблюдения: роль зрения фундаментальна как для власти, так и для знания. И та, и другое подразумевают разграниченное пространство. Комплекс зрение-пространство-познание выстроен еще Ницше. Он постоянно обращался к пространственно-зрительным метафорам, которые в результате приобрели у него статус терминов в новой топологической философии: «оптика», «перспектива», «по ту сторону» и т.д.

Мишель Фуко не просто отмечает выход пространственного мышления в классическую эпоху на новый уровень, он и сам активно использует пространственные, топологические концепты для построения собственной философии. Опорным понятием такого рода для него служит «поле дискурса», в котором размещаются «дискурсивные события». Дискурс это и есть мир слов, которому уже не соответствует никакой мир вещей. (В этом смысле пожелание Ницше избавиться ото всего «потустороннего», от «лучшего мира» исполнено.) Дискурс – единственная реальность, имеющаяся в нашем распоряжении, реальность знаков и означающих, реальность «произнесенной или написанной вещи». В этой подвижной изменчивой среде возникают и исчезают понятия, играющие более или менее важную роль в культуре вообще и в жизни конкретного человека в частности. Такие текущие понятия и есть дискурсивные события. Субъективность – одно из множества дискурсивных событий, возникший когда-то в дискурсивности классического типа (дискурсивность определенного типа Фуко именует эпистемой). Субъективность также определяется Фуко топологически, как некое место, точку дискурса, из которой, подобно гейзеру или вулкану, фонтанирует речь от первого лица. В шестидесятые годы Фуко наблюдает субъект исключительно извне, поэтому и описывает его как «позицию» или «функцию».

В семидесятые годы Фуко постепенно начинает все больше интересоваться субъектом. Нельзя сказать, что его отношение к этой проблеме меняется радикально: логически тема «техник себя» напрямую вытекает из всего, написанного им ранее. И, тем не менее, перспектива ощутимо меняется. Фуко показывает, как человек с помощью определенных дискурсивных практик выстраивает и развивает внутреннее пространство своей личности. То знание, которое в шестидесятые годы Фуко считал способным лишь поработать и контролировать человека, теперь служит углублению и вызреванию его индивидуальности, и здесь намечается прорыв к свободе.

Эти перемены в направленности мысли Фуко в последние годы еще больше сближают его с Ницше, который подзаголовком своей последней работы выбрал аллюзию на Пиндара: «Как становятся самим собой».

Второй параграф, «Фридрих Ницше и Жиль Делёз», содержит анализ интерпретации идей Ницше Жилем Делёзом в контексте его сложной и богатой философии. Эта часть исследования начинается с разбора работы «Ницше и философия» (1962 год), которая в силу своей полноты и цельности могла бы считаться условной точкой отсчета философской эпохи постмодерна.

Важнейшим моментом этого текста является обнаружение Делёзом в философии Ницше двух основных проблем: смысла и ценности. Эти две проблемы соответствуют двум аспектам философской мысли: метафизическому и этическому. Проблема смысла – это основная проблема постмодерна, которая решается в нем средствами топологической философии. Однако в «Ницше и философия» топология разработана пока еще довольно слабо, главной метафизической основой, объединяющей и упорядочивающей идеи Ницше, служит здесь концепция активных и реактивных сил. Эта концепция, впечатлившая в свое время Фуко, действительно позволяла эффективно и в нужном Делёзу направлении интерпретировать основные ницшеанские идеи. Так, с их помощью Делёз показал, почему вещь есть интерпретация, отождествив явление со смыслом. Кроме того, параллель между активными силами и «аристократическим» с одной стороны и реактивными силами и «плебейским» с другой позволила объединить метафизику смысла с этической теорией ценности на основе все тех же активных и реактивных сил. Минусом концепта активных и реактивных сил может служить его откровенно диалектический характер, в связи с чем попытки Делёза представить Ницше оппонентом Гегеля в «Ницше и философии» выглядят малоубедительными.

В работах конца шестидесятых годов «Различие и повторение» и «Логика смысла», во многом дополняющих и поясняющих друг друга, Делёз, кроме всего прочего, предлагает

еще одну интерпретацию вечного возвращения и воли к власти. Понимание идеи вечного возвращения Ницше всегда вызывало трудности у философов, подступающих к его текстам. Как, с одной стороны, выстроить концепцию становления, которое сам Ницше противопоставлял бытию и которому он отдавал предпочтение, и как, с другой стороны, вписать в это становление повторение, цикл, то есть, как соединить радикальную изменчивость с тождеством? Делёз в «Различии и повторении» дает блестящее решение: возвращаются только различия. Различие и есть подлинный субъект возвращения. Делёз выстраивает весьма сложную систему, создает свою оригинальную философию различия, в контексте которой и показывает, как это происходит.

В своей философии различия Делёз активно использует приемы топологической философии. Так, мир различий и мир тождеств соотносятся у него как некая интенсивная глубина и экстенсивная поверхность, в которую разворачивается интенсивный мир различия, порождая пространство. Еще одним важнейшим топологическим концептом, который Делёз использует и в «Логике смысла», является понятие позитивной дистанции.

В «Логике смысла» смысл определен как событие, не сводим ни к денотации, ни к сигнификации, ни к манифестации. Он лишь опосредованно связан с вещами, с материей, с ее смесями, со всем тем, что относится в понимании Делёза к миру глубины. Собственно, дуальность «глубина – поверхность» играет и в этой книге кардинальную роль. Смысл – это, прежде всего, поверхностный эффект. Поверхность и глубина в данном случае не просто связанные между собой моменты некоей топологической концепции: это две взаимодополняющие реальности, по-разному структурированные. По-разному настолько, что каждой из них соответствует своя форма времени.

Взяв за отправную точку стоическую мысль, Делёз устанавливает для глубины модель времени, названную Хроносом, а для поверхности – другую, поименованную Эоном. Поскольку глубина включает тела и их смеси, положения вещей, то им соответствует бесконечное настоящее Хроноса. Это настоящее, совпадающее в своем пределе с Богом, вбирает в себя прошлое и будущее, постоянно сжимает их в настоящем все большей и большей длительности. Вещи «есть». На поверхности же, подобной поверхности зеркала или водной глади, резвятся подвижные, постоянно меняющиеся события. Они не бытийствуют, а становятся, поэтому им соответствует вечно растекающийся в двух направлениях – прошлого и будущего – Эон, в котором тоже можно выявить некий настоящий момент, который, тем не менее «не имеет толщины», ибо постоянно разделяется на прошлое и будущее. Этой поверхностной реальности принадлежит язык. Смысл-событие не сливается ни с положением вещей, в котором событие находит свое физическое осуществление, ни с языком и предложениями, которые его выражают.

Смысл-событие – своего рода виртуальная (в значении, данном в «Различии и повторении», где виртуальное определяется как реальное, но не актуальное) прослойка между поверхностью языка и толщей положения вещей.

События в своих физических осуществлениях регулируются принципом совместимости. Сложно выявить закономерность совместимости, понять, почему одни воплощенные события совместимы, а другие – нет. Если воплощенные события несовместимы, то понятия, их выражающие, находятся в отношении противоречия. Понятно, что если одно из событий несовместимо с другими, то оно не может воплотиться, исключается из толщи вещей и их смесей. Однако в виртуальном слое смысла-события все события, независимо от их совместимости и несовместимости, сосуществуют, формируя сходящиеся серии в случае их совместимости, и расходящиеся – если они несовместимы.

В глубине тел и их смесей несовместимые события выбраковываются в целях сохранения единства понятия благодаря единствам мира, Бога и Я. Но в виртуальном мире событий-смыслов все события, независимо от того, совместимы они или нет, реальны и вступают в коммуникацию. В виртуальном мире смыслов-событий возникает понятие позитивной дистанции, где различие утверждает обе различные вещи. Такая позитивная дистанция, «соединяющая», разъединяя, логически или физически невозможные события, заставляющая их коммуницировать, превращает все эти ряды сингулярных событий в одно Событие, «Eventum tantum для всех противоположностей, которое коммуницирует с самим собой благодаря собственной дистанции и резонирует сквозь все свои разрывы».

Перед нами, как мы видим, абсолютно пространственная виртуальная реальность, описанная в терминах геометрии: точка, прямая линия, плоскость. Вечное возвращение здесь – это возвращение безличных и доиндивидуальных событийных сингулярностей. Топологически оно представлено как прямая бесконечная линия времени, состоящая из бесконечного числа сингулярностей. Вечное возвращение и есть такая прямая, тот самый Эон, бесконечно устремляющийся одновременно в прошлое и будущее, состоящий из бесчисленных и все умножающихся сингулярностей, которые и есть подлинный субъект возвращения. Только сингулярности возвращаются.

Разобравшись с вечным возвращением, нельзя обойти вниманием делёзовское понимание воли к власти. Если в «Ницше и философия» воля к власти трактуется как воля к интерпретации и воля утверждать собственное различие, то в «Логике смысла» появляется воля к событию и связанное с ней понимание amor fati. Поскольку целью Делёза является представление мира становления, исключаящего самотождественного субъекта, то событие, являющееся своего рода атомом этого мира становления (или одной из версий этого мира, изложенной в «Логике смысла»), оказывается первичным по отношению к Я.

Если событие, которое физически осуществилось в положении вещей, субъект может себе присвоить, взять на себя ответственность за него, то первичное событие, событие-смысл само есть причина субъекта. Здесь возможно лишь самому стать результатом собственных событий, его оператором, квази-причиной.

Принимая физические события (в смысле «положения вещей») своей жизни, мы открываемся тем первичным событиям-смыслам, которые в этих положениях вещей воплотились. А уже через них – Событию, *Eventum tantum*, в котором они собираются благодаря своим расхождениям. Только таким образом, через Событие, индивидуальная судьба с набором конкретных положений вещей может сообщаться со всеми прочими судьбами и уже осуществившимися или только собирающимися осуществиться событиями. Только так можно постичь «все насилие в единичном акте насилия и всякое смертельное событие в одном Событии». Воля к власти, таким образом, есть не воля к событию частной жизни, но воля к Событию, к *Eventum tantum*, подлинная экспансия за границы своей личности, своей жизни и своей судьбы. Переход в мир безличных и доиндивидуальных сингулярностей. Что же касается *amor fati*, то это любовь к Событию, принятие События, воплощенного в конкретных положениях вещей, частное проявление воли к власти.

Далее в параграфе анализируется теория безумия, созданная Делёзом в книге «Капитализм и шизофрения 1. Анти-Эдип», написанной в соавторстве с Гваттари.

Затем реконструируются и анализируются понятия знака, маски, игры, которые Делёз также заимствует у Ницше и развивает в контексте собственной философии.

Параграф третий, «Фридрих Ницше и Жак Деррида», включает реконструкцию дерридианской мысли и анализ присутствующих в ней ницшеанских понятий. Рассматривается концепт деконструкции и отмечается его критическая тональность, созвучная таковой ницшеанской генеалогии.

Идея деконструкции развивает концепцию знания, которая подразумевается и Мишелем Фуко: в условиях, когда единственной достоверной реальностью является лишь реальность дискурса, то есть когда, по выражению Деррида, игра означающих уже не определяется никакими жесткими привязками к означаемым, которые в свою очередь тут же не вырождались бы в означающие, аналитическая процедура разборки является одновременно и созидательным жестом. Подвергая нечто деконструкции, мы тем самым это нечто конструируем. Например, убивая Бога, мы, таким образом, возвращаем его в дискурс, пусть и в качестве «мертвого Бога».

То, что стремится изобличить деконструкция, именуется у Деррида логоцентризмом, который есть, ни много ни мало, структура всего современного сознания. Иногда этот термин трансформируется в фонологизм, фаллогизм и проч. Разумеется, это зависит от того, атакует ли Деррида логоцентризм средствами феноменологии, психоанализа или выявляет его в каком-то ином сегменте культуры. Логоцентризм в его философском аспекте Деррида именует метафизикой наличия, ядром которой, в свою очередь, является онтология с ее понятием бытия.

Далее в параграфе раскрывается дерридианское понятие фоноцентризма, которое одновременно сопоставляется с соответствующими аспектами ницшеанской мысли. Ницше немало писал о решающем значении для процесса познания мира и формирования представлений о нем феноменов телесности и зрения. Через тему зрения могла бы быть раскрыта если не вся ницшеанская философия, то, по крайней мере, существенная ее часть. Обращает на себя внимание изобилие в ней терминов, связанных со зрением: оптика, перспектива, угол зрения, иллюзия, горизонт. Но, несмотря на важность оптических понятий в ницшеанских текстах, мы обязаны помнить, что привлекаются они прежде всего в целях критики. Зрение для Ницше – источник иллюзий, обманчивых оптических эффектов, своей очевидностью заставляющих нас верить в «истины», в отношении которых следовало бы проявлять больше подозрительности.

Жест Деррида симметричен ницшеанскому, но вместо зрения он кладет в основу критикуемой им западной культуры голос. С точки зрения Деррида, вся культура, доставшаяся нам в наследство под названием Западной культуры, питалась именно опытом слушания голоса (прежде всего собственного) и относительно этого фундаментального опыта формировалась. Произнесенное вслух слово оказывается ближе всего к логосу, смыслу, выражаемому через слово.

Деррида полагает, что письмо в классической традиции находилось на другом полюсе, в другом мире, и этот другой мир, вмещавший все вторичное, неподлинное, телесное, признавался морально ущербным, так что и попытки письма сравняться по значимости с устной речью определялись (теми же Соссюром или Руссо) как узурпация, тирания буквы. (Здесь он расходится во мнении с Фуко, который в работе «Слова и вещи» настаивал на примате письма начиная самое позднее с конца эпохи Возрождения.) Таким образом, Деррида конструирует оппозицию «речь – письмо», с той целью, чтобы потом её разрушить, по-своему снять, обессилить. Ведь в этом и заключается деконструкция в действии.

Подобная работа с парными понятиями вызывает ассоциации с гегельянской диалектикой. Но вместо мира логических отношений Гегеля мы обнаруживаем себя в

мире разграниченных пространств и переходов за границы. В пост-ницшеанском топологическом мире. Поэтому письмо Деррида не «снимает оппозиции речи и письма», как это происходило у Гегеля, а «выходит за границы», «переполняет» (*déborder*) язык.

Деконструкция, однако, обречена буксовать на месте и одной рукой укреплять то, что другой она, как ей кажется, расшатывает (а, на самом деле, уже было расшатано до нее) вовсе не потому, что не существует альтернативы логоцентристскому способу мышления, но потому, что деконструкция, которая, по сути, ставит себе в заслугу изменения в философии, явившиеся результатом разрушения евклидова пространства, пытается сражаться с надуманным фонологическим центризмом, опирающимся на звук, защищая в то же время то, что должно было бы стать истинной ее мишенью – пространственное мышление.

Далее в параграфе разбирается работа, посвященная непосредственно Ницше: «Шпоры. Стили Ницше». Эта работа – замечательный образец объединения ницшеанских и фрейдистских идей, объединения, к которому прибегали и Делёз («Анти-Эдип») с Фуко («Ницше, Фрейд, Маркс»). Объединения, которое позволило в значительной степени переосмыслить в том числе и знаменитое женоненавистничество Ницше.

Поскольку в «Шпорах» в исследование вовлечен психоанализ, логоцентризм выявляется и преследуется здесь под маской фаллоцентризма. И действительно, «Шпоры» - текст, посвященный женщине. «Шпоры» выстроены вокруг довольно часто возникающего у Ницше сопоставления «истина - женщина». Эта замена маскулинного, фаллического образа истины как истины присутствия, наличия на истину – покров, истину – зияние, истину – бездну, истину - складку кардинальна для всей постмодернистской традиции. Поскольку проблема истины – центральная проблема философии вообще, то и в постмодернистской философии, пожалуй, не найти такого понятия, которое бы не было связано с этой парадигмальной заменой. Деррида касается лишь некоторых, наиболее для него важных.

Начнем с разбора употребления Деррида термина кастрации, без прояснения значения которого трудно будет продолжать анализ данной работы. Этот термин входит в фаллоцентристскую оппозицию «фаллос - кастрация». Кастрация – не-присутствие истины. У Ницше Деррида обнаруживает интерпретацию христианства как «кастрационизма» с его призывами вырвать глаз, который искушает. Следовательно, когда истина, по Ницше, «становится женщиной» и одновременно «становится христианской», то простая логическая процедура позволяет Деррида заключить, что женщина у Ницше соотносится с кастрацией (посредством истины). Далее вновь должна

свершится работа по деконструкции важнейших фаллоцентристских оппозиций, первая из которых – оппозиция «мужское – женское».

Прежде всего, Деррида выявляет у Ницше несколько взаимоисключающих тем соотношения мужского и женского. Все высказывания Ницше о полах, по Деррида, делятся на три типа, вырисовываются три пары «мужчина – женщина». Первая – фаллоцентричная – пара: легковверный догматик мужчина, одержимый своей фаллической истиной и женщина, презираемая им за ее лживость с точки зрения этой истины. Вторая – назовем ее переходной – пара: мужчина – художник, все еще верящий в кастрацию и возможность перевертывания негативного, и женщина, презираемая, осуждаемая им как власть христианской идеи, как та, кто поддерживает систему экономии истины в фаллоцентристском пространстве. В обеих этих парах женщина ассоциируется с кастрацией, поскольку истина продолжает оставаться фаллоцентричной. И наконец третья пара: мужчина в ней практически исчез, а «Женщина признана, ... утверждена как утверждающая, распыляющая, артистическая, дионисийская сила. Она не утверждается мужчиной, но утверждает сама себя, в себе и в мужчине». Притом, что у Ницше эти высказывания перемешаны (это обстоятельство Деррида также возведет в принцип), нетрудно видеть, что, перечисленные в такой последовательности, эти типы отношений «мужское – женское» отображают динамику, свойственную любым оппозициям у Деррида. Все начинается с жесткого противостояния, - в данном случае мужского и женского, - а заканчивается поглощением одним членом оппозиции другого, нейтрализацией оппозиции как таковой и трансформацией поглощающего элемента.

В «Шпорах» Деррида касается также и проблемы интерпретации, она исследуется во фрагменте, посвященном странной фразе, которую Ницше написал как-то вне всякого контекста и непонятно по какому поводу: «Я забыл свой зонт». Этот обрывок рукописного наследия провоцирует на целый ряд вопросов. Это и вопрос об авторстве: ведь даже если фраза написана рукой Ницше, может ли это само по себе служить гарантией того, что он написал именно то, что хотел написать, и хотел ли он написать нечто вообще, или это был попросту бессознательный жест, в котором сам Ницше не отдавал себе отчета. Как бы то ни было, Деррида считает, что сам простой факт читаемости является достаточным для того, чтобы лишить Ницше права собственности на эту фразу. Здесь возникает тема принципиальной свободы письма от автора. Далее, это вопрос о целостности и фрагментарности написанного: назвать эту фразу фрагментом мы можем лишь исходя из некоего предполагаемого целого, которому этот фрагмент мог бы принадлежать. Но разве не в нашей власти каждый раз создавать все более и более обширные контексты для сколь угодно законченных текстов, так что любой из них всегда может быть назван фрагментом.

Письмо – это бесконечный океан, не столько потому, что он простирается без края, сколько в силу возможности его бесконечного расширения. Интерпретация поэтому никогда не поддерживается никаким герменевтическим горизонтом, ибо горизонт этот постоянно смещается. И поскольку не существует критериев легитимности той или иной интерпретации, то интерпретативный жест в конце концов неизбежно произволен. А коль скоро истина – лишь результат интерпретации, то ее вариации как раз и зависят от сменяющих друг друга волей к власти, то есть от актов проприации. «История истины есть процесс проприации». И к этому заключению мы пришли, опять-таки, рассуждая о письме. Ведь именно ничем не связанная свобода письма превращает интерпретацию в волевой акт.

Далее, на материале работы Деррида «О грамматологии», анализируется дерридианское понятие «знака». Формулируя концепцию трансцендентального означаемого, Деррида подводит проблему знака к знаменитой ницшеанской теме смерти Бога.

Знак как единство неоднородного, означающего и означаемого, мог существовать, пока хоть одно означаемое было бы не сводимо к означающему. Таким трансцендентальным означаемым был Бог: сколько бы означающих ни было привлечено для раскрытия его содержания, никакое их количество не могло считаться исчерпывающим. Бог как трансцендентальное означаемое вбирал все означающие, не допуская их инфляции. Смерть Бога означает смерть знака в его классическом понимании. Теперь, когда различие между означающим и означаемым уже не может считаться абсолютным и неустранимым, когда любое означаемое может быть сведено к означающему, язык предстает как игра означающих. Что, как мы помним, дает Деррида основания перейти от понятия языка, подразумевавшего примат устной речи над письмом, к понятию письма, или первописьма, которое вслед за языком готово поглотить всю реальность, сведя ее к игре означающих.

Параграф завершается разбором еще одного небольшого текста о Ницше «Отобιοграфия Ницше». В нем содержится ряд положений, принципиальных для всей постмодернистской традиции прочтения ницшеанской мысли. В том числе и те перемены в отношении к субъекту, которые произошли в семидесятые годы в мысли Фуко, после чего постмодерн пришел в более точное соответствие с ницшеанской философией и по этому важнейшему вопросу.

Прежде всего, это – столь важная именно для понимания Ницше проблема соотношения жизни мыслителя, ее фактов, и его философии, ее идей. Эти вещи, как мы знаем, в традиционной истории философии принято разделять. Работы, посвященные крупным философам, распадаются, как правило, надвое: на биографию, с одной стороны, и изложение собственно философии, с другой. Ницше, однако, в наименьшей степени

пригоден для подобного освещения: во-первых, факты его биографии сами по себе столь сильно нагружены философским смыслом, что оставить их для сугубо исторического или психологического исследования кажется недопустимым упущением; во-вторых, в свою философию Ницше вкладывает так много личного, столько своего Я, что излагать ее как абстрактную теорию, без оглядки на постоянно и настойчиво возникающего в ней автора, значит серьезно обеднить его философию. В такой ситуации, когда философия становится совершенно неотъемлемой частью биографии, а биография – философии, вся жизнь-творчество превращается в одну автобиографию, написанную, в том числе, и, прежде всего, философскими средствами. Деррида как обычно занят разрушением великих классических дуальностей, в случае этой работы – дуальностей «биография – философия (в смысле - творчество)», но также, в какой-то мере, и «жизнь – смерть».

Если Ницше вводит свое имя в игру, то, как это замечает и Деррида, само имя не может не претерпеть некоторой девальвации, превратиться из манифеста самотождественности в средство маскировки и травести. Но, отмечая возможность такой трансформации имени в маску, Деррида, тем не менее, не закрывает на этом тему субъекта. Он, как, впрочем, и все, кто читает Ницше, не может не услышать этого настойчиво повторяющегося у автора «Ессе Номо» «Я».

Что это за «Я», как оно умудряется существовать в условиях смерти Бога, которая, казалось бы, неизбежно должна повлечь и смерть человека? Откуда это Я черпает силы для самоутверждения? Это – вопрос, который формирует ядро позитивного постмодерна и который после примерно десяти лет борьбы с субъектом по-своему задаст себе каждый из его основателей. И ответ они будут искать, конечно же, у Ницше.

Пока человек жив, он живет на свой собственный кредит, в кредит, взятый у смерти. Он пользуется своим именем как бы в долг, ему позволительно именовать себя тем-то и тем-то, лишь поскольку он умрет. Это и есть складка, смысл, обратившийся вспять, интериоризируясь. Через понятие складки мы приходим к интерпретации субъективности как события в пространстве различий.

Мы понимаем, что и здесь – все та же проблема границ. Только личная смерть не позволяет нам стать и Дионисом, и Распятым, и Прадо, и отцом Прадо.

Однако, смерть – не единственный имеющийся в нашем распоряжении отграничивающий принцип. Неудобство смерти как условной границы заключается как минимум в двух вещах: во-первых, смерть гарантирована всем, а, значит, этот долг оказывается слишком легко выплатить; во-вторых, девальвируется жизнь, весь этический акцент переносится на ее завершение. Деррида не может этого не понимать, он должен найти что-то еще, некий позитивный принцип, поддерживающий Я и при этом не обесценивающий жизнь. И он

пытается обнаружить его в идее вечного возвращения. Схема вкратце такова. Субъективность не дана изначально, она зарабатывается через утверждение себя, своей жизни в особом состоянии, называемом «великим полднем». Утверждение заключается в волевом акте предназначения себя, своей жизни, фактов своей жизни к вечному возвращению. Великий полдень – момент, когда нет тени, то есть, нет негативного, нет отрицания. Деррида также упоминает складку, которая тоже становится пространственной моделью субъективности.

В **Главе третьей** диссертационного исследования выявляются общие для Фуко, Делёза и Деррида проблемы, которые были поставлены в той или иной форме уже Ницше:

1. Безумие
2. Семиотика
3. Игра
4. Дуальности
5. Вечное возвращение, воля к власти и распавшийся субъект
6. Топологическая философия и перспективизм.

Каждой из указанных тем посвящен отдельный параграф, где проводится сопоставление взглядов рассмотренных в диссертации авторов на данную проблему.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Делается вывод о корректирующей роли Ницше в понимании этического аспекта постмодернистской мысли. Проясняются основания употребления термина «постмодерн» в отношении философии Фуко, Делёза и Деррида.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. В путях интерпретации (от Ницше к постмодерну). // Философский факультет: УРАО. №4, М., 2004. С. 113 - 126
2. Рецепция Ницше во Франции. // Философские науки. №4, М., 2007, с. 56 - 77